

МАЛИ: РЕВИЗИЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Дата: 08.12.2021 Автор: Николай Севостьянов

Рубрика: [Африка](#)

Несмотря на богатый советский опыт взаимодействия с африканскими режимами, после распада СССР Россия утратила почти все позиции на Черном континенте. Еще несколько лет назад казалось, что главный игрок «на перспективу» – это Китай, и что именно он будет перехватывать те зоны, где будет ослабевать французское и американское влияние.

Отчасти это верно, и Пекин действительно проводит жесткую, в меру

агрессивную и чрезвычайно успешную экономическую экспансию. С другой стороны, окно возможностей, открывшееся в результате стремительной деградации французских внешнеполитических институтов, оказалось столь велико, что Москва также получила шанс на возвращение давно утраченного влияния, пусть и в ограниченном объёме.

Переломным моментом стало вмешательство России в конфликт в ЦАР, где руками частных военных специалистов удалось не только остановить процесс распада государства, которое к тому времени превратилось в одно из самых нестабильных образований на континенте, но и добиться довольно существенной положительной динамики. Вполне естественно, что данный опыт заинтересовал государства, имеющие аналогичные структурные проблемы и уходящие из-под западного влияния. Прежде всего, это касается Мали, страны, которая всё чаще попадает в заголовки отечественных информационных агентств.

В отличие от ряда африканских государств, данная страна имеет довольно глубокий исторический фундамент. Начиная с поздней античности, на территории современного Мали имела полноценная государственность. Более того, т.н. Малийская империя, возникшая в XIII веке и просуществовавшая несколько столетий, была крупнейшим государством подобного типа во всей Западной Африке, оказывая значительное культурное и экономическое влияние на весь регион.

Главная проблема заключалась в том, что малийская государственность в любом своём виде с самого начала сталкивалась с высочайшим уровнем межэтнической напряженности, которая регулярно перерастала в кровопролитные войны. В конечном счете, это стало одним из факторов утраты политической субъектности и включения Мали сначала в орбиту исламской цивилизации в качестве глубокой периферии, а затем и в состав Французской колониальной империи.

Процесс возвращения суверенитета был инициирован лишь после Второй мировой войны, при этом неоднократно менялся не только официальный статус, но и название. Так, с 1958 по 1960 гг. Бамако было административной столицей автономной Суданской республики (не имеющей ничего общего с одноимённым восточноафриканским государством), которая в 1959 г. вместе с Сенегалом образовала Федерацию Мали со столицей в Дакаре. Уже через год данное образование было расформировано, а Республика Мали обрела не только нынешнее название, но и независимость от Парижа.

В последующие десятилетия страна прошла сложный путь экономической и политической трансформации – от социалистических экспериментов и

однопартийной диктатуры до формально демократической республики с рыночной экономикой. При этом главной проблемой стало отсутствие эволюционного механизма. Каждый раз внутри- и внешнеполитическая переориентация становилась возможной исключительно в результате очередного военного переворота, которые со временем стали ведущим двигателем малийского государства.

Так, первый президент независимого Мали Модибо Кейта, один из идеологов африканского социализма, ориентированный исключительно на Советский Союз, был свергнут генералом Муссой Траоре, придерживающегося более умеренного, но всё же однопартийного курса, а он, в свою очередь, был смещен группой военных, после чего в стране состоялись относительно свободные выборы (насколько это возможно в местных реалиях). Какое-то время казалось, что Мали удалось выйти на путь хотя бы относительной политической стабильности, но всё изменилось в 2012 г., когда в Малийском Азаваде вспыхнуло восстание туарегов.

К слову, это был не первый подобный инцидент. Туареги поднимали восстания еще при колониальной администрации, кроме того, имели место выступления в 1962-1964, 1990-1995 и 2007-2009 гг., причем все они носили трансграничный характер, затрагивая территорию Нигера, а в ряде случаев Алжира и Ливии. Однако в данном случае восстание в значительной мере стало результатом региональных последствий ливийской войны, которые, прежде всего, выражались в непрерывном потоке современного оружия, идущего из зоны конфликта.

Инициировав ряд локальных столкновений, силы «Национального движения за освобождения Азавада» (НДОА) быстро установили контроль над северной частью Мали, что спровоцировало очередной военный переворот в Бамако, в ходе которого был свергнут президент Амаду Тумани Туре, оказавшийся неспособным организовать сопротивление повстанцам.

При этом изначальные лидеры восстания уже к лету 2012 г. утратили контроль над ситуацией, а само выступление подверглось радикальной исламизации в результате внутреннего конфликта между руководством НДОА и джихадистскими группировками, которые захватили ключевые города Азавада, а в начале 2013 г. начали наступление на юг.

В сложившейся ситуации центральное правительство было вынуждено обратиться за помощью к бывшей метрополии, которая начала военную операцию «Сервал». В ходе боевых действий, сопровождавшихся масштабными ударами авиации, Бамако удалось восстановить контроль над утраченными территориями, однако французское присутствие на этом не закончилось. На смену «Сервалу» в июле 2014 г. пришла операция

«Бархан», декларирующая борьбу с исламистскими группировками на территории Мали, Чада, Мавритании, Нигера и Буркина-Фасо.

Не имея конкретных сроков проведения, но обладая «универсальной» целью, которой можно оправдать столь-угодно длительное военное присутствие, «Бархан» стал идеальным инструментом реколонизации. При этом стоит отметить, что контроль над Мали крайне важен, как со стратегической, так и с экономической точки зрения. Поскольку страна не только является отличным плацдармом для ведения боевых действий в регионе, но и обладает огромными залежами ценных ресурсов, в числе которых золото, бокситы, алмазы, фосфор, а по некоторым данным еще и уран.

Разумеется, Франция – не единственная сторона, заинтересованная в данных ресурсах. Так, одной из главных проблем малийской экономики стала частичная потеря контроля над золотыми месторождениями, обеспечивающими 75% экспортных поступлений и 25% бюджета страны, поскольку одним из последствий перманентного конфликта с исламистами стал массовый наплыв нелегальных шахтёров, зачастую связанных с джихадистскими группировками.

Также исламисты сумели взять под свое управление и пути наркотрафика, пролегающие через Мали. Более того, в каком-то смысле страна стала ключевой точкой в маршруте, по которому наркотики из портов Западной Африке, в конечном счете, попадают в Европу и на Ближний Восток. И хотя публикации о вовлеченности французского контингента в данный процесс зачастую носят откровенно политизированный характер, подобную возможность также не следует исключать. Еще одной статьей дохода террористических группировок стало похищение людей и контроль над миграционными потоками.

К лету 2020 г. стало очевидно, что даже безотносительно подобных слухов о связях Парижа с исламистами французская операция в Мали не способна стабилизировать обстановку. То же касается и развернутой с 2013 г. миротворческой миссии ООН MINUSMA. Символом нарастающих экономических проблем и перманентной террористической угрозы стал президент Ибрагим Кейта, занявший этот пост в сентябре 2013 г. и переизбравшийся на второй срок в 2018 г.

При нём был заключен целый пакет соглашений, предоставивших северу страны значительную автономию, однако часть ополчений и большинство исламистских группировок, прежде всего аффилированных с Аль-Каидой и Исламским Государством (террористические организации, запрещенные в РФ), остались за рамками соглашений, интенсифицировав свою активность.

Так, с 2016 по 2019 гг. число жертв джихадистов выросло как минимум в 3 раза, при этом боевики активно эксплуатируют старые межэтнические противоречия, как во время атаки на деревни Огоссагу и Уелингара, когда были убиты 160 представителей народа фульбе.

В конечном счете, в июле 2020 г. по стране прокатились массовые протесты, сопровождавшиеся человеческими жертвами. Руководящую роль в этих акциях сыграло оппозиционное «Движение 5 июня», выступающее за вывод французских войск и акцентирующее внимание на таких проблемах, как коррупция, фальсификация выборов и тотальная бедность.

18 августа 2020 г., воспользовавшись общественным мнением, группа офицеров совершила военный переворот, низложив полностью утратившего популярность президента. Управление страной перешло к «Национальному комитету спасения народа» во главе с полковником Ассими Гойтой. Организаторы переворота объявили о переходном периоде и формировании временного правительства. 21 сентября на должность президента был назначен экс-министр обороны Ба Ндау, а 5 октября был обнародован состав правительства, куда вошли 25 человек, в том числе четверо организаторов переворота.

К сожалению, в последующие месяцы ситуация с безопасностью лишь продолжила ухудшаться. Несмотря на декларируемые Бамако успехи, боевики сумели организовать ряд резонансных нападений, которые обострили дискуссию о целесообразности присутствия в стране французского контингента. Кроме того, Париж понес серьёзные репутационные потери после нескольких ошибочных авиаударов ВВС Франции.

Внутренние противоречия во временном правительстве 25 мая привели к «перевороту внутри переворота», когда военные арестовали и отстранили от власти Ба Ндау и премьер-министра Моктара Уана, после чего Конституционный суд утвердил в должности президента полковника спецназа Ассиму Гойту.

На данный момент именно он является ключевой фигурой в государстве. Именно он решительно выступает за полный вывод французских войск и уход из-под влияния бывшей метрополии. Вполне логично, что в этой связи мы наблюдаем критическое ухудшение отношений между Бамако и Парижем, на фоне чего активизировались слухи о заходе ЧВК Вагнера в Мали.

Уже в мае лояльные путчистам СМИ, опираясь на успехи Москвы в ЦАР,

начали информационную кампанию в поддержку усиления российского влияния. Российский МИД также выразил поддержку новому правительству, в частности, осудив попытку покушения на Гойту, который был атакован во время посещения Великой мечети в Бамако.

Несмотря на колоссальные имиджевые потери внутри малийского общества, президент Франции Эммануэль Макрон продолжил идти по пути эскалации конфликта, сделал ряд оскорбительных заявлений, ставящих под сомнение саму возможность сохранения Мали как государства в случае отсутствия французской поддержки. В ответ премьер-министр африканской страны Шогель Кокалла Маига открыто обвинил Париж в подготовке террористических групп и тренировке боевиков.

Таким образом в данный момент в Мали сложилась довольно сложная ситуация. С одной стороны, по данным Фонда защиты национальных ценностей, 87% малийцев поддерживают президента Гойту в его обращении к России за помощью в борьбе с терроризмом. С другой – даже несмотря на то, что «в моменте» внутривосточный фон является крайне благоприятным, следует учитывать африканскую специфику, в рамках которой любые цифры имеют мало общего с реальными рейтингами в западном понимании этого слова.

По всей видимости, сохранение установившегося в Бамако пророссийского режима будет целиком зависеть от его возможности решить накопившиеся проблемы, снизить террористическую угрозы и провести хотя бы имитационные, но формально демократические выборы.

Что касается Франции, то в условиях своего ухода из Мали она крайне заинтересована в дестабилизации обстановки в проблемных провинциях. И это могут быть не только вооруженные нападения, но и практикуемый исламистами экономический терроризм, когда уничтожаются посевы и перерезаются автомагистрали с целью возникновения перебоев в снабжении городов.

Если же говорить о деятельности российских ЧВК, то в настоящий момент сложно сказать, насколько оправданна экстраполяция положительного опыта в ЦАР на ситуацию в Мали, учитывая совершенно иной исторический и этноконфессиональный контекст, а также санкционный и экономический инструменты, которыми обладает бывшая метрополия. Но в любом случае именно ближайшие месяцы станут определяющими в вопросе закрепления Москвы в регионе.